

¹ Окончание.
Начало см.
Полития, 2008,
№ 2, с. 122—144.

**Политическая
субкультура
и ролевая
культура**

² *Linton 1945.*

Ключевые слова: политическая культура, субкультурный раскол, ролевая культура, гражданская культура, макрополитика, микрополитика

Г.А.Алмонд, С.Верба
ГРАЖДАНСКАЯ КУЛЬТУРА
Подход к изучению
политической культуры (II)¹

Мы уже отмечали, что большинство политических культур гетерогенно. Даже наиболее развитые участнические культуры будут содержать в себе уцелевшие слои подданных и парохиахов. И даже в той части культуры, которая настроена на участие, будут наблюдаться устойчивые и значительные различия в политических ориентациях. Адаптируя к нашим целям терминологию Ральфа Линтона, мы используем для обозначения этих составных частей политических культур понятие «субкультура»². Вместе с тем следует проводить различие между как минимум двумя типами субкультурных расхождений. Прежде всего, понятие «субкультура» может использоваться для обозначения слоев населения, которые устойчиво придерживаются сходных позиций по вопросам политического курса на «входе» и «выходе» и при этом «лояльно» настроены по отношению к политической структуре. Так, в Соединенных Штатах левое крыло демократической партии и правое крыло партии республиканской признают легитимными американские политические и правительственные структуры, но устойчиво отличаются друг от друга по всему кругу вопросов внешней и внутренней политики. [Описывая подобные расхождения], мы говорим о субкультурах политического курса.

Но в наибольшей степени нас интересует тот тип субкультурного раскола, который встречается во внутренне смешанных системах. В частности, в смешанной парохиально-подданнической культуре одна часть населения должна быть ориентирована на диффузные традиционные власти, а другая — на специализированные структуры централизованной авторитарной системы. В действительности смешанная парохиально-подданническая культура может быть расколота не только по «горизонтали», но и по «вертикали». Так, если полития включает в себя два или более традиционных компонента, то в дополнение к нарождающейся подданнической субкультуре в ней будут сохраняться особые культуры формально слившихся традиционных единиц.

Проблема смешанной подданническо-участнической культуры лучше знакома Западу, да и более современна для него. Успешный

переход от подданнической к участнической культуре предполагает распространение позитивных ориентаций по отношению к демократической инфраструктуре, принятие норм гражданского договора и развитие чувства гражданской компетентности среди существенной части населения. Эти установки могут сочетаться с подданническими и парохильными ориентациями или вступать с ними в конфликт. Англия XIX и XX столетий двигалась в направлении политической культуры, которая объединяла бы эти ориентации, и обрела ее. Да, конечно, радикалы первой половины XIX в., а позднее социалисты и левые лейбористы выступали против монархии и палаты лордов. Однако данные тенденции привели не к уничтожению, а к трансформации этих институтов. Соответственно, английские субкультуры суть примеры раскола первого типа, того, что основан скорее на устойчивых расхождениях по поводу политического курса, чем на фундаментально различных ориентациях по отношению к политической структуре.

Франция представляет собой классический случай политико-культурной гетерогенности второго типа. Французская революция не породила однородной ориентации на республиканскую политическую структуру. Напротив, она расколола население Франции на две субкультуры, одна из которых строилась на стремлении к участию, а другая определялась господством подданнических и парохильных ориентаций. С этого времени структура французской политической системы постоянно являлась предметом разногласий. За тем, что первоначально было бинарной поляризацией политической культуры, последовала дальнейшая фрагментация: за якобинцами пришли социалисты, за социалистами — коммунисты, правые разделились на «присоединившихся» и «неприсоединившихся»³.

³ То есть на принявших в принципе идею республики и на продолжавших отвергать ее во имя ценностей «алтаря и трона». — Прим. ред.

Подобного рода вертикальные субкультуры можно встретить в подданнических и парохильных культурах, либо [их оформление] становится частью культурной фрагментации смешанных подданническо-участнических культур. Посмотрим на типы ориентаций в многонациональных политиях, таких как Российская или Австро-Венгерская империя. В этих странах отдельные этнические, языковые и национальные группы не признают легитимности поглотившего их государства и сохраняют преданность своим прежним политическим системам. Таким образом, на подданническо-парохильную фрагментацию здесь накладывается фрагментация вертикальная, что вызывает структурную нестабильность и порождает необычайно сильную тенденцию к дезинтеграции.

Вместе с тем субкультуры политического курса могут трансформироваться в *структурные* [расколы], как это произошло, например, с Конфедерацией во время гражданской войны в Америке. В этом случае в качестве альтернативы выступало создание отдельного государства. Во многих европейских странах неспособность правящих элит ответить на умеренные требования структурных изменений и коррекции политического курса, выдвигавшиеся левыми первой половины XIX в.,

привела к формированию во второй половине этого столетия структурно отчужденных, революционных левых социалистического, синдикалистского и анархистского толка.

В Англии, Старом Содружестве, Соединенных Штатах и скандинавских странах проблемы политической структуры были разрешены в течение XIX — начала XX в.: там сложились однородные с точки зрения структурных ориентаций политические культуры. Субкультурные феномены в этих странах обернулись устойчивыми расхождениями по поводу политического курса. И правые, и левые склонны принимать существующую политическую структуру и расходятся только по вопросам, касающимся содержания политического курса и персонального состава политической элиты. Но самое интересное заключается в том, что в последние десятилетия разногласия по поводу политического курса в этой группе стран становятся все менее острыми при расширении общей сферы согласия. Другими словами, субкультурный раскол сгладился, и культурная гомогенность со структурных ориентаций распространилась на ориентации по отношению к политическому курсу.

Это краткое обсуждение [проблемы] политических субкультур служит лишь для представления концепта. Некоторые из его импликаций и следствий будут рассмотрены в последующих частях книги. Однако мы ввели бы читателя в заблуждение, если бы стали внушать ему, что в своем исследовании уделяем равное внимание каждому аспекту политической культуры. В нашем исследовании делается упор не на содержании политических требований и установках по поводу результатов [политической деятельности], а на отношении к политической структуре и процессу. Нам незачем извиняться за такую расстановку акцентов, хотя мы должны констатировать, что подобный выбор, возможно, затемняет какие-то важные измерения политической культуры и существенные зависимости между общими психокультурными моделями, с одной стороны, и содержанием политики и политическим курсом государства — с другой. Исследование, в котором бы делался упор на ориентациях по отношению к публичной политике, потребовало бы как минимум столь же значительных усилий, что и наше. В нем пришлось бы последовательно проследивать зависимость между типами ориентаций по вопросам публичной политики и типами социальной структуры и культурных ценностей, а также процессами социализации, с которыми они связаны. Кроме того, понадобилось бы не менее строгое разделение ориентаций по поводу публичной политики, общекультурных ориентаций и моделей социализации, чтобы выявить реальный характер и направление взаимосвязей между этими феноменами.

Нам придется ввести еще одно комплексное понятие — понятие ролевой культуры. Относительно сложные политические системы характеризуются особой структурой ролей — бюрократических, военных, исполнительно-политических, партийных, связанных с группами интересов или средствами коммуникации. Эти центры инициативы и влияния в политической системе также порождают гетерогенность. В ее

основе лежат два фактора. Во-первых, исполняющие эти роли элиты нередко рекрутируются из определенных субкультур, а во-вторых, в процессе подготовки и вхождения в соответствующие роли у них формируются неодинаковые ценности, навыки, преданности и когнитивные карты. И поскольку такие элиты имеют решающее значение при формулировании и проведении в жизнь политических курсов, существующие между ними культурные различия могут серьезным образом сказываться на функционировании политической системы.

Так, в Германии и во Франции бюрократические и военные элиты традиционно рекрутировались из аристократических и авторитарных субкультур, и в процессе ролевой социализации присущие этим кругам антидемократические тенденции лишь усиливались. Все это создавало значительные препятствия на пути формирования в этих странах однородной участнической культуры.

С точки зрения [перспектив] развития ролевая культура может носить как «прогрессивный», так и «регрессивный» характер. Во многих недавно освободившихся странах импульс к политической модернизации исходит от гражданской и военной бюрократии и партийных элит. Эти элиты могут стремиться к созданию мощных автократических политических систем, или систем демократических, или какой-то их комбинации, не отдавая себе отчета в тех проблемах, с которыми сопряжены культурные изменения такого типа.

В стабильных, легитимных политических системах ролевые культуры могут различаться по своему содержанию просто потому, что задачи, решаемые носителями этих ролей, и «дух корпорации», которому они подвержены, порождают когнитивные, эмоциональные и оценочные различия. И здесь мы опять-таки должны отделять ролевые членения, включающие в себя расхождения в структурной ориентации, от тех, что предполагают лишь расхождения по поводу политических курсов. В стабильной политической системе различия между ролевыми культурами, как правило, ограничиваются содержанием политического курса. Легитимность ее структуры признается всеми. В нестабильных системах расхождения по поводу политического курса накладываются на расхождения в структурной ориентации, что может привести к культурной фрагментации на уровне элит. Так, общей фрагментации политической культуры во Франции сопутствовала фрагментация ролевых культур, когда верхушка государственных служащих и офицерского корпуса ориентировалась на авторитарные структуры, а значительная часть элит, представлявших политические партии, группы интересов и средства коммуникации, — на структуры демократические. Но фрагментация на уровне политических элит вполне может сосуществовать с тенденцией к однородности на уровне массовой культуры. Об этом свидетельствует недавний опыт британской лейбористской партии. Глубокие отличия от консерваторов по вопросам внешней и внутренней политики присутствуют главным образом в установках местных активистов. Рядовой лейбористский избиратель не склонен придавать

большого значения этим вопросам. По мере того как расширяются его экономические и социальные возможности, его связь и с классом, и с партией обычно ослабевает.

**Гражданская
культура:
смешанная
политическая
культура**

Выше мы обсуждали исторические истоки гражданской культуры и те функции, которые она выполняет в процессе социальных изменений. Большая часть этой книги посвящена анализу и описанию этой культуры, а также той роли, которую она играет в поддержании демократической политической системы. Поэтому будет полезно охарактеризовать, хотя бы вкратце, некоторые из ключевых ее черт.

Гражданская культура — это не та политическая культура, описание которой мы находим в учебниках по основам гражданственности, где рассказывается, как должен действовать гражданин в условиях демократии. В нормах гражданского поведения, представленных в этих учебниках, акцентируются участнические аспекты политической культуры. Ожидается, что демократический гражданин вовлечен в политическую жизнь и активно участвует в ней. Более того, предполагается, что в своем подходе к политике он рационален и руководствуется разумом, а не эмоциями. Предполагается, что он хорошо информирован и принимает свои решения — например, решение о том, как голосовать, — на основе тщательных расчетов, касающихся интересов и принципов, которые ему хотелось бы увидеть реализованными. Эту культуру с ее упором на рациональном участии в рамках политических структур «входа» мы можем определить как «рационально-активистскую» модель политической культуры. Гражданская культура имеет много общего с этой моделью культуры; фактически она является рационально-активистской культурой *плюс что-то еще*. Она действительно делает упор на участии индивидов в политическом процессе на входе [в систему]. В гражданской культуре, описанной в этой книге, мы обнаружим высокую частотность политической активности, включенности в политические коммуникации, политических дискуссий, интереса к политическим делам. Но там есть и *еще что-то*.

Во-первых, гражданская культура — это «преданная» (allegiant) культура участия. Индивиды не только ориентированы на политический «вход», они позитивно ориентированы на структуры и процесс «входа». Другими словами, если использовать введенную ранее терминологию, гражданская культура — это участническая политическая культура, где политическая культура конгруэнтна политической структуре.

Еще важнее, что в гражданской культуре участнические политические ориентации смешиваются с подданническими и парохияльными, а не замещают их. Индивиды становятся участниками политического процесса, но они не отказываются от своих ориентаций в качестве подданных или парохиялов. При этом предшествующие ориентации не просто сохраняются наряду с участническими; подданнические и парохияльные ориентации согласуются с политическими ориентациями

участия. Более традиционные неучастнические политические ориентации ограничивают и смягчают вовлеченность индивида в политику. В каком-то смысле подданнические и парохияльные ориентации «укрощают» политические ориентации участия или удерживают их в определенных рамках. Иначе говоря, установки, благоприятствующие участию в политической системе, играют важную роль в гражданской культуре, но аналогичную роль в ней играют и неполитические установки, такие как доверие к другим людям или [ориентация на] социальное участие в целом. Сохранение этих более традиционных установок и слияние их с участническими ориентациями ведут к [формированию] сбалансированной политической культуры, которой присущи политическая активность, включенность и рациональность, уравновешенные, однако, пассивностью, традиционализмом и приверженностью парохияльным ценностям.

Детальное описание гражданской культуры и ее связи с демократией и составляет основное содержание этой книги.

**Микро- и
макрополитика:
политическая
культура
как связующее
звено**

Совершенствование в последние десятилетия методов социальных наук позволяет нам глубже проникнуть в мотивационную основу политических установок и поведения индивидов и групп. Накоплена значительная литература, включающая работы, посвященные изучению электоральных предпочтений и электорального поведения и анализу зависимости между тенденциями в сферах идеологии и публичной политики, с одной стороны, и глубинными [социальными] установками и личностными характеристиками — с другой, психополитические биографии ведущих политиков (*political leaders*), исследования политических установок представителей конкретных социальных групп и т.п. Стейн Роккан и Энгус Кэмпбелл обозначают подобную концентрацию внимания на индивиде (не важно, рассматривается ли он в качестве отдельного лица или в составе выборки из более широкой группы населения), его политических установках и мотивациях как «микрополитику», противопоставляя ее как исследовательский подход «макрополитике», то есть традиционному интересу изучающих политику к структуре и назначению политических систем, институтов и органов и их воздействию на публичную политику⁴.

⁴ *Rokkan, Campbell 1960: 69ff.*

При том что взаимосвязь между политической психологией индивидов и функционированием политических систем и подсистем в принципе очевидна, немалая часть микрополитической литературы довольствуется самыми общими обоснованиями наличия такой взаимосвязи. Смысл этих обоснований сводится к тому, что, поскольку политические системы состоят из людей, значимость частных психологических тенденций на уровне индивидов или социальных групп для функционирования политических систем и его результатов не требует доказательств. Это, быть может, действительно так, когда исследователь имеет дело с психологической подоплекой поведения лица или лиц,

исполняющих определенные роли, например конкретного лидера, принимающего политические решения, на одном полюсе, или электората — на другом. Вместе с тем большая часть этой литературы оказывается не в состоянии связать психологические предрасположенности индивидов и групп с политической структурой и политическим процессом. Иными словами, достижения политической психологии, несмотря на их бесспорную ценность, еще не переводятся на язык политического процесса и действия⁵.

⁵ *Ценный анализ проблемы «взаимосвязи» между общественным мнением и действиями правительства см. Key 1961: ch. XVI ff.*

Мы хотели бы высказать предположение, что такая взаимосвязь между установками и мотивациями отдельных индивидов, образующих политические системы, и характером и функционированием этих систем может быть последовательно выявлена с помощью тех концептов политической культуры, беглый обзор которых был представлен выше. Иначе говоря, связующим звеном между микро- и макрополитикой является политическая культура. Ранее мы подчеркивали, что для проверки гипотезы о наличии взаимосвязи между политическими и иными установками политические ориентации индивида должны быть аналитически отделены от других видов психологических ориентаций. Мы также определили политическую культуру как особое распределение моделей политической ориентации среди членов политической системы. Теперь с помощью концептов политической субкультуры и ролевой культуры мы можем связать конкретные установки и предрасположенности к тем или иным формам политического поведения с определенными частями населения либо со специфическими ролями, структурами или подсистемами политической системы. Эти концепты политической культуры позволяют нам определить, предрасположенность к какому типу политического поведения характерна для политической системы в целом и различных ее частей, для особых ориентационных групп (то есть субкультур) или для лиц, находящихся в ключевых для данной политической структуры точках инициативы или принятия решений (то есть ролевых культур). Другими словами, мы можем связать политическую психологию с функционированием политической системы посредством локализации установочных и поведенческих предпочтений в рамках ее политической структуры.

Итак, любая полития может быть описана и сопоставлена с другими политиями с точки зрения (1) ее структурно-функциональных характеристик и (2) ее культурных, субкультурных и культурно-ролевых характеристик. Наш анализ типов политической культуры представляет собой первую попытку рассмотреть феномены индивидуальной политической ориентации таким образом, чтобы последовательно связать их с феноменами политической структуры. Это позволяет нам избежать двух существенных упрощений, присущих литературе психокультурного направления. Благодаря выделению политической ориентации из общей психологической ориентации мы можем отказаться от допущения о гомогенности ориентации и, напротив, рассматривать ее как поддающееся изучению соотношение [элементов]. А благодаря исследованию

соотношения между политико-культурными тенденциями и типами политических структур мы можем избавиться от допущения об априорной согласованности между политической культурой и политической структурой. Соотношение между политической культурой и политической структурой становится одним из важнейших познаваемых аспектов проблемы политической стабильности и политических изменений. Вместо того чтобы постулировать согласованность, мы должны установить степень и характер согласованности или несогласованности и те тенденции политико-культурного и структурного развития, которые могли бы способствовать взаимной «подгонке» культуры и структуры.

Мы полагаем, что данная исследовательская стратегия позволит нам полностью реализовать креативный потенциал великих прозрений психокультурного подхода к изучению политических феноменов. Согласно нашей собственной гипотезе, подобное исследование покажет, что *важность специфических форм усвоения ориентаций на политику и опыта взаимодействия с политической системой* серьезно недооценивалась. Такое усвоение носит не только когнитивный характер, оно затрагивает также политические чувства, ожидания и оценки, которые формируются скорее под влиянием политического опыта, чем в результате простой проекции на политическую ориентацию базовых нужд и установок, выработанных в ходе детской социализации.

И еще в одном плане наша теория политической культуры может способствовать повышению релевантности психокультурного подхода как инструмента изучения политической системы. Когда мы рассматривали типы политической культуры и проблему согласованности между культурой и структурой, мы подчеркивали, что такая согласованность есть отношение эмоциональной и оценочной преданности между культурой и структурой. Применительно к каждому типу государственного устройства — традиционному, авторитарному и демократическому — имеется определенная форма культуры, которая согласуется с его структурой. Поскольку мы начали с ориентации и психологических предпосылок (psychological requirements) различных типов политической структуры, нам легче сформулировать гипотезу относительно тех тенденций в развитии личности и тех методов социализации, которые с высокой долей вероятности породили бы конгруэнтные политические культуры и стабильные политии. Так, в случае с гражданской культурой мы можем утверждать, что устойчивости демократической политии содействует такая модель социализации, которая позволяет индивиду справляться с неизбежным диссонансом между различными его ролями — диффузной первичной ролью, ролью послушного [подданного] на выходе из системы и активистской ролью на входе в нее. Мы можем затем обратиться к моделям социализации и личностным predispositions и задаться вопросом, какие из этих параметров являются решающими, в каком объеме они должны присутствовать и какие виды опыта с большей вероятностью породят эту способность справляться с противоречивыми политическими ролями. Из полученных нами

данных будет видно, что гражданская ориентация получила широкое распространение в Великобритании и Соединенных Штатах и относительно редко встречается в трех других [исследуемых] странах, но нам представляется крайне сомнительным, чтобы эти громадные различия в политической культуре можно было объяснить теми сравнительно небольшими расхождениями в детской социализации, которые были выявлены в ходе нашего исследования. Их связь со свойствами социальной среды и спецификой моделей социального взаимодействия, с особенностями политической памяти и с различиями в опыте по отношению к политической системе и политическому действию выглядит более очевидной. В будущем самым плодотворным исследованием политической психологии окажется то, в котором детская социализация, модальные личностные предрасположенности, политическая ориентация и политические структура и процесс станут рассматриваться как независимые друг от друга переменные в сложной, многомерной системе причинных связей.

При одном из видов политического контекста, однако, зависимость между политической структурой и культурой, с одной стороны, и характером и личностью — с другой, относительно ясна и очевидна. Речь идет о выделенной нами категории смешанных политических культур. В этом случае — при парохияльно-подданнической, подданническо-участнической и парохияльно-участнической культурах — мы имеем дело с обществами, которые либо находятся в процессе быстрого структурно-культурного системного изменения, либо стабилизировались в ситуации субкультурной фрагментации и структурной нестабильности. Фрагментация политической культуры бывает связана также с общекультурной фрагментацией (например, с глубоким расколом между модернизирующимся городским обществом и традиционными сельскими районами; между индустриальной и традиционной аграрной экономикой). Мы можем предположить, что в этих быстро меняющихся и фрагментированных обществах культурная гетерогенность и приобретающая массовый характер дискретность социализации ведут к широкомасштабному психологическому смятению и нестабильности. Пожалуй, нигде эти процессы не проявляются столь отчетливо, как в парохияльно-подданнических культурах недавно освободившихся стран Африки и Азии. Яркое исследование такого рода дискретности в культуре и социализации и ее последствий для развития личности, а также функционирования и характеристик политической системы Бирмы можно найти в работе Л.Пая «Политика, личность и государственное строительство»⁶.

⁶ *Pye 1962: 52–53, 287ff.*

Политические системы, включенные в наше исследование

Чтобы проверить адекватность теории политической культуры, необходимо посмотреть, способна ли она объяснить функционирование различных типов политических систем и их свойства. До сих пор мы оперировали простой трехчленной схемой политической культуры и

тремя видами культурных сплавов. Сейчас наша модель уже пригодна для проведения более тонкого анализа. Введение концептов субкультуры и ролевой культуры усложнило ее и вывело за рамки этих простых матриц. Но поскольку, помимо всего прочего, эти матрицы были составлены скорее из «систем», чем из «элементов», чтобы провести четкий анализ, нам понадобится расчленив каждую из категорий, касающихся ориентации на политические объекты. В этом случае категория «когнитивная ориентация» будет включать в себя не только объем, но и специфику и достоверность информации, равно как и способность ее организовывать и обрабатывать. Категория «эмоциональная ориентация», наряду со степенью интенсивности, будет охватывать различные типы эмоций: гнев, удовольствие, презрение и т.п. Самой сложной из всех окажется категория «оценочная ориентация», ибо она вберет в себя совокупность ценностных норм, используемых при формулировании мнений и суждений.

Аналогичным образом можно расчленив на составные элементы и типы политических объектов. Так, политическая система в целом может как минимум быть подразделена на «нацию» и собственно «политическую систему». Объекты на «входе» будут включать в себя средства коммуникации, группы интересов, политические партии, законодательные органы, а также исполнительные органы в их политической ипостаси. Объекты на «выходе» можно классифицировать по нескольким основаниям. Наиболее очевидными их подвидами будут армия, полиция и множество функциональных гражданских ролей: налоговые власти, органы, занимающиеся вопросами быта, образования и т.п.

В своем исследовании мы по преимуществу имеем дело с этими подвидами ориентаций и объектов, а разработанная в этой главе классификация лишь обеспечивает логику сведения воедино отдельных культурных аспектов политических систем. При решении вопроса о том, к какой категории отнести ту или иную эмпирически выявленную политическую культуру, следует исходить из частотности обнаруженных типов ориентации на различные подгруппы политических объектов. Используемая в отдельных главах этой книги дробная схема позволяет нам рассматривать подклассы политической культуры и действительно проследивать мельчайшие различия между конкретными политическими культурами, относящимися к одному подклассу.

В наше сравнительное исследование политических культур вошли пять демократий — Соединенные Штаты, Великобритания, Германия, Италия и Мексика, — выбранных потому, что они представляют широкий спектр политико-исторического опыта. На одном полюсе мы имеем Соединенные Штаты и Великобританию — страны, каждая из которых дает пример относительно успешного эксперимента в области демократического правления. Анализ этих двух случаев покажет нам, какого рода установки сопутствуют стабильно функционирующим демократиям, [позволит определить] частотность таких установок и их распределение среди различных групп населения.

В то же самое время сравнение Британии и Соединенных Штатов может оказаться полезным для тестирования некоторых гипотез, касающихся различий между этими часто сопоставляемыми странами. Недавно двое исследователей британской политики предложили свои объяснения устойчивости традиционных установок по отношению к власти в этой стране. Д.У.Броган подчеркивает, что в ходе исторического развития Британии культура демократического гражданства с ее упором на инициативе и участии слилась с более древней политической культурой, которая делала упор на обязанностях и правах подданных⁷. Гарри Экстайн обращает внимание на то, что британская культура соединяет в себе уважение к власти и четкое осознание прав гражданской инициативы⁸.

⁷ Brogan 1960: 9ff.

⁸ Eckstein 1958: 59ff.

В свою очередь, в Соединенных Штатах независимое правительство появилось с созданием республиканских институтов, в атмосфере, отвергавшей величие и священность институтов традиционных. Отсутствовал там и привилегированный класс аристократии. Функции правительства были относительно невелики, а бюрократические полномочия являлись объектом подозрения. Американская популистская идеология отвергала концепцию профессиональной, влиятельной правительственной службы и релевантную ей роль послушного подданного. Практика предоставления постов и привилегий сторонникам победившей партии за услуги во время выборов и политическая коррупция еще больше подрывали престиж правительственной власти. Да и в более широком плане — по причинам, на которых мы не можем здесь останавливаться, — доминирующая в американских общественных подсистемах, включая семью, модель власти обычно ставила во главу угла скорее политическую компетентность и участие, чем повиновение легитимной власти.

Итак, сравнивая британскую и американскую политические культуры, можем ли мы доказать, что англичане в большей степени, нежели американцы, склонны к инкорпорации, наряду с ориентациями участника, «преданных» (allegiant) подданнических ориентаций? И лучше ли американцев они справляются с диссонансом между демократическим активизмом и «подданническим послушанием»?

Включая в свое сравнительное исследование Германию, мы руководствовались несколькими соображениями. До внедрения демократических институтов в Пруссии, как и в Британии, на протяжении довольно продолжительного времени существовало эффективное легитимное правительство. В период объединения Германии в XIX в. прусская бюрократическо-авторитарная модель более или менее успешно была навязана другим германским государствам, вошедшим в состав страны. Как уже отмечалось, хотя в Германии сложились и правовое государство, и подданническая культура, опыт демократического участия в конце XIX столетия и в годы Веймарской республики так и не привел

к развитию участнической политической культуры, необходимой для того, чтобы поддержать эти демократические институты, придать им силу и легитимность. Большая часть рассуждений по поводу стабильности современных демократических институтов в Германии вращается вокруг вопроса о том, в какой мере в немецком народе укоренилось чувство гражданской ответственности и гражданских возможностей и взаимное доверие между политическими группировками.

Тщательно изучив историю Великобритании и Германии, можно прийти к заключению, что для обеих стран характерны установки, предполагающие почтительное отношение к власти, которые выросли на основе длительного опыта додемократического авторитарного управления. Но обращение к истории выявляет и существеннейшее различие между этими странами. Британский правительственный контроль в додемократический период никогда не был настолько всеобъемлющим и до такой степени уничтожающим инициативу, как в Германии. Броган подчеркивает, что даже в те столетия, когда англичане были «подданными», в Британии имелось широкое пространство автономии и [сохранялась] свобода объединения и участия в ограниченном самоуправлении⁹. Иными словами, даже в долгие столетия авторитарного управления в британской политической культуре присутствовал определенный участнический компонент. Таким образом, процесс слияния гражданских и подданных установок уходит там в глубину веков. Он намного старше парламентских и избирательных реформ XVII, XVIII и XIX столетий. Эти реформы не разбивались о жесткую и неподатливую подданныческую культуру, но могли опереться на давно уже существующую культуру плюрализма и инициативы.

⁹ Brogan 1960: 14ff.

Как указывает Леонард Кригер в своем глубоком исследовании развития германских политических идей и движений, со времен борьбы принцев против имперской власти за достижение национальной независимости германская концепция свободы была связана скорее с освобождением государства от ограничений извне, чем с инициативой и участием индивидов¹⁰. Тем не менее демократические политико-культурные тенденции имелись и имеются в германском обществе. Они присутствовали и в XIX столетии, и в веймарский период, должны они проследиваться и сегодня. Наше исследование позволит установить, какие элементы культуры участия представлены среди населения Германии, а какие отсутствуют.

¹⁰ Krieger 1957: 458ff.

Италия и Мексика были включены в наше исследование в качестве образцов относительно менее развитых обществ с переходными политическими системами. Социальная и политическая структура Италии, по крайней мере в южной части страны и на островах, носит досовременный характер. Если мы на минуту обратимся к итальянской политической истории, станет очевидно, что на самом деле в Италии Нового времени так никогда и не было «преданной» (allegiant)

национальной политической культуры. В период, предшествовавший первой мировой войне, легитимность итальянской монархии отрицалась Церковью. В соответствии с правилом *non expedit* верующие не должны были наделять легитимностью новое государство и участвовать в его делах¹¹. Во время фашистской интерлюдии эффективная государственная машина была создана, однако она основывалась скорее на внешнем контроле над обществом с помощью аппарата принуждения, чем на относительно свободном признании легитимности существующей политической системы. В этом плане Италия не похожа ни на Британию, ни на Германию, которые уже до внедрения демократических институтов имели интегрированные и легитимные системы власти.

¹¹ *Binchy 1941.*

В своем исследовании одной из деревень южноитальянской провинции Лукания Эдвард С. Бэнфилд охарактеризовал политическую культуру этого региона как «аморальную семейственность», не наделяющую легитимностью ни бюрократические властные органы государства, ни гражданско-политические органы партии, группы интересов или местной общины¹². Было бы некорректно переносить эту оценку на всю Италию, однако наши данные во многом подтверждают справедливость заключения Бэнфилда о том, что в итальянской политической культуре необычайно сильны парохильные, отчужденно-подданнические и отчужденно-участнические компоненты. Тенденции, связанные со стремлением к демократии, тоже присутствуют, прежде всего среди левых, но они относительно слабы по сравнению с широко распространенным духом отрицания, который воздействует на установки огромного большинства итальянцев по отношению к их политической системе во всех ее аспектах.

¹² *Banfield 1958: 7ff.*

Нашей пятой страной мы избрали Мексику, чтобы иметь хотя бы одну демократию, не входящую в Атлантическое сообщество. Мексика едва ли может рассматриваться в качестве образца зарождающейся нации, но страны, в которой было бы представлено все разнообразие социально-политических структур и исторического опыта недавно освободившихся народов Азии и Африки, возможно, не существует вообще. Со многими из этих народов Мексику сближает высокий уровень индустриализации, урбанизация и возросшая грамотность и образованность [населения]. До революции мексиканское правительство и мексиканская политика по большей части носили характер чужеродных фискальных и эксплуататорских структур, ненадежно надстроенных над обществом, состоявшим по преимуществу из родственных, сельских, этнических и статусных групп. Однако за последние 30—40 лет мексиканская революция оказала глубокое воздействие на социальную и политическую структуру [страны] и стимулировала развитие современных демократических устремлений и ожиданий¹³.

¹³ *Scott 1959: 56ff.*

В отличие от Италии, значительная доля населения которой склонна рассматривать политическую систему в качестве чуждой, эксплуататорской силы, многие мексиканцы видят в своей революции орудие окончательной демократизации и экономической и социальной

модернизации. В то же самое время мексиканская демократическая инфраструктура относительно нова. Свобода политической организации там скорее формальна, нежели реальна, и во всех частях политической системы процветает коррупция. Возможно, именно это и объясняет любопытную амбивалентность мексиканской политической культуры: многие мексиканцы не обладают политическим опытом и навыками, однако их надежды и уверенность в себе весьма высоки, и получившее широкое распространение стремление к участию там сочетается с циничным отношением к политической инфраструктуре и бюрократии и отчужденностью от них. Кроме того, из пяти выделенных нами стран Мексика наименее «современна», иными словами, в ней все еще имеется относительно многочисленное традиционно настроенное сельское население и высок уровень неграмотности. Не исключено, что изучение мексиканского случая позволит нам получить полезные сведения об особенностях политической культуры не-западных стран, переживающих аналогичную стадию модернизации и демократизации.

В этом кратком сравнительном очерке политико-исторического опыта исследуемых пяти стран мы сформулировали несколько гипотез о различиях, которые можем рассчитывать найти в их политических культурах. Но опирающиеся на историю заключения относительно политической культуры оставляют без внимания вопрос о том, насколько исторический опыт страны сохранился в памяти, чувствах и ожиданиях ее населения, в каком виде он сохранился, какие группы населения являются носителями тех или иных форм исторической памяти — и с какой интенсивностью. Здесь в нашем поиске живой истории, присутствующей в политической культуре народов, уже ставшие традиционными подходы могут быть дополнены новейшими научными методами. Довольно простые и общие предположения, сделанные на основе истории, будут переведены в нашем обследовании в величины, демографические распределения и закономерности или зависимости. Между историческими методами и методами бихевиористской науки нет никакого неизбежного противоречия; в действительности они дополняют и подкрепляют друг друга.

Результаты наших изысканий изложены в пяти частях этой книги. Первая часть — вводная. В ней представлена общая концепция исследования и проанализированы те методологические проблемы, с которыми нам пришлось столкнуться в ходе планирования и проведения сравнительного исследования такого масштаба.

Вторая часть включает в себя основной массив эмпирических данных, описывающих сходные черты и различия в политических культурах пяти изученных стран. Она начинается с измерения уровня знаний о политической системе в ее управленческом и политическом аспектах. Далее следует анализ восприятия политической системы в целом и различных ее частей на эмоциональном и оценочном уровне, а затем —

установок индивидов по отношению к самим себе как участникам политического процесса. В последней из входящих в эту часть глав рассматривается вопрос о том, как все эти установки связаны между собой в каждой из пяти стран. Особое внимание уделено исследованию взаимосвязи между субъективной политической компетентностью и политической осведомленностью, включенностью и моралью.

В третьей части рассматриваются факторы, влияющие на политическую культуру. Прежде всего нас интересовало соотношение между политической культурой и формами социального взаимодействия, связь между членством и активностью человека в организации и его политической компетентностью и включенностью, а также воздействие на политические установки моделей участия, действующих в семье, школе и рабочей группе.

В четвертой части мы касаемся некоторых групповых различий, присутствующих в наших пяти странах, и рисуем резюмирующие портреты политической культуры каждой из этих стран, иллюстрируя их примерами из истории.

Пятая часть — заключительная. В ней прослеживается взаимосвязь между гражданской культурой и эффективным функционированием демократической политической системы. Здесь же дается оценка перспектив развития такого рода культуры в нестабильных демократиях Западной Европы и в недавно освободившихся странах.

Библиография

- Banfield** E.C. 1958. *The Moral Basis of a Backward Society*. — Glencoe (Ill.).
- Binchy** D.A. 1941. *Church and State in Fascist Italy*. — L.
- Brogan** D.W. 1960. *Citizenship Today*. — Chapel Hill (N.C.).
- Eckstein** H. 1958. The British Political System // Beer S., Ulam A. (eds.) *The Major Political Systems of Europe*. — N.Y.
- Key** V.O. 1961. *Public Opinion and American Democracy*. — N.Y.
- Krieger** L. 1957. *The German Idea of Freedom*. — Boston.
- Linton** R. 1945. *The Cultural Background of Personality*. — N.Y.
- Pye** L.W. 1962. *Politics, Personality, and Nation Building*. — New Haven.
- Rokkan** S., Campbell A. 1960. Norway and the United States of America // *International Social Science Journal*. Vol. 12. № 1.
- Scott** R.E. 1959. *Mexican Government in Transition*. — Urbana (Ill.).